ЯЗЫК СМИ

Л. З. Подберезкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (СФУ), директор лингвистического Экспертно-консалтингового центра ИФиЯК СФУ; e-mail: lilli@akadem.ru

«ОБЪЯВИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ САМОМУ СЕБЕ» КАК ПРИЕМ ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СПОРНОГО МЕДИАТЕКСТА)

В статье на материале медиатекста, ставшего предметом иска о защите чести и достоинства, а впоследствии – объектом экспертной оценки автора, рассматривается, как журналист использовал ложную информацию о такой административной ситуации, как «вынесение благодарности», в функции коммуникативной стратегии, дискредитирующей персонажа; поднимается проблема соблюдения правовых и этических норм в профессиональной медиакоммуникации.

Ключевые слова: *защита чести и достоинства, правовые и профессионально-этические нормы журналистики, лингвистическая экспертиза.*

The article deals with the journalist's use of an etiquette genre as the communicative strategy discrediting the personality. The analysis has been made on the basis of media text which became a subject of the claim for honor and dignity protection and the expert assessment of the author. The problem of ethical and law standards compliance in professional media communication has been actualized.

Key words: *legal communication, media text, honor and dignity protection, linguistic examination, ethical standards.*

Введение

В последние десятилетия оценочные медиатексты, провоцирующие различные речевые конфликты, все чаще становятся объектами исследования лингвистов-экспертов. Массмедиа – это «высококонфликтная рабочая сфера, где по социальным вертикалям и горизонталям коммуницируют разные страты общества, где социально значимая информация различного содержания (журналистского, рекламного, политического) производится в разных формах и транслируется разнообразным аудиториям и по разным каналам» [Кара-Мурза, 2011а, с. 73]. Функцией журналистики является объективное информирование общества и формирование общественного мнения по социально значимым вопросам; однако

журналистские публикации могут использоваться дисфункционально – например, в целях дискредитации, сознательного снижения образа «героя» публикации.

Стратегия дискредитации, в свою очередь, «позволяет говорящему дать свою отрицательную оценку совершенных поступков, действий или качеств другого человека, направленную на то, чтобы представить этого человека в неблаговидном свете и, как результат, подорвать к нему доверие окружающих, умалить его достоинство, авторитет и значимость или снизить его самооценку» [Бондаренко, 2014, с. 27], поэтому данные приемы описываются юридическими понятиями «умаление чести, достоинства и деловой репутации», «клевета» и т. п. [Чернышова, 2014, с. 149].

С точки зрения закона такое умаление достигается распространением не любых негативных сведений (о неблагоприятных для человека событиях или ситуациях, политических проигрышах и т. д.), а только порочащих сведений – о нарушении законов, правил деловой этики, требований общечеловеческой и/или этноспецифической морали, выраженных в форме утверждения, а не мнения, и при этом не соответствующих действительности. Как отмечает Е. И. Галяшина, «для наступления гражданско-правовой ответственности (ст. 152 ГК РФ) за распространение не соответствующих действительности порочащих сведений спорные фрагменты текста должны содержать следующую совокупность диагностических лингвистических признаков. Это – наличие негативной информации об истце; наличие в тексте высказываний в форме сведений, т. е. утверждений о фактах или событиях, содержащих утверждения о противоправном (в широком смысле) и аморальном поведении и поступках истца, которые верифицируемы, т. е. могут быть проверены на соответствие или несоответствие действительности» [Судебная экспертиза, 2014, с. 126]. Только в случае публикации информации такого содержания и в такой форме может быть возбуждено дело по ст. 152 ГК РФ «Защита чести и достоинства». При этом задачами судебной лингвистической экспертизы (ЛЭ) являются «установление относящихся к истцу высказываний в форме утверждения о факте или событии, содержащих сведения, которые могут быть верифицированы, т.е. проверены на соответствие действительности, а также разграничение утверждений и оценочных высказываний (содержащих информацию субъективно-оценочного характера), которые не могут быть проверены на предмет соответствия действительности, будучи частным мнением говорящего или пишущего» [Судебная экспертиза, 2014, с. 121].

Поэтому для того, чтобы судебное решение по речевым преступлениям было справедливым, судьи, истцы или ответчики обращаются к специалистам по истолкованию текстов – к лингвистам-экспертам, которые в специальных терминосистемах, отвечая на специальные вопросы, помогают различать оттенки содержания и особенности его оформления в конфликтогенных медиатекстах.

Как отмечает Е. С. Кара-Мурза, «в качестве источника доказательств ("следов преступления") по разным преступлениям, в том числе и не связанным с речевой активностью, лингвистический материал исследуется в разных типах экспертиз – фоноскопической, авторо- и почерковедческой.... А для выявления речевых преступлений, сущность которых кроется в особенностях содержания или формы, т. е. в текстовых/ языковых показателях, сформировалась иная лингвистическая экспертиза, которую иногда характеризуют как семантическую [Баранов, 2007]» [Кара-Мурза, 2011б].

Данное «герменевтическое» понимание сущности ЛЭ отражено, в частности, в следующем определении, принятом за основу в нашей работе: «Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу – специализированный жанр междисциплинарного филологического исследования: она непосредственно относится к одной из древних отраслей филологии – к герменевтике (греч. *heimeneutike* – от *hermeneuo* 'истолковываю', 'разъясняю')» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2008, с. 160]. По мнению авторов методических рекомендаций по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов в СМИ, «анализ спорных текстов с позиций герменевтики предполагает <...> междисциплинарный комплексный подход в процессе исследования этих текстов с точки зрения собственно лингвистической (т. е. в аспектах описательных лингвистических дисциплин), стилистики, культуры речи, теории текста, поэтики, лингвопрагматики, отчасти социолингвистики, психолингвистики, культурологии.

Это означает, что процесс работы над заключением судебной лингвистической экспертизы состоит в следующем:

- анализируется состав языковых средств спорного текста (спорных текстов) – главным образом слов, словосочетаний, фразеологизмов, а также грамматических форм, их вариантов, синтаксических конструкций;

- определяется соответствие использования языковых средств в рассматриваемых текстах действующим литературным и жанрово-текстовым нормам;

- выясняется мера точности выбора и мотивированности употребления слова, фразеологизма, грамматической формы, синтаксической конструкции в рамках микроконтекста фразы, абзаца и/или макроконтекста всего текста (его содержательно и композиционно значимого фрагмента) <...> В конечном счете – рассматривается степень соответствия спорного текста или его фрагмента (от слова до абзаца и относительно самостоятельного раздела), с одной стороны, действительным коммуникативным целям, намерениям адресанта, коммуникативной ситуации создания и функционирования данного текста, присущим ему типовым жанрово-тематическим признакам и функциональному назначению; с другой стороны, – нормативным требованиям коммуникативного акта (в том числе нормам речевого этикета и общим этическим нормам), основным принципам речевого общения;

- рассматривается и обосновывается роль микро- и/или макроконтекста в авторском осмыслении (и адекватном восприятии адресатом) отдельного слова, словосочетания, фразеологизма, словоформы, а также при нестандартном, окказиональном употреблении слова, вообще языковой единицы <...>;

- максимально учитываются статусные и ролевые характеристики создателя анализируемого текста, а также (если это существенно для экспертного исследования рассматриваемого текста) – основного персонажа критического или разоблачительного публикуемого материала, коммуникативные установки автора данного текста» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2008, с. 164–166].

Данный подход в полной мере коррелирует с методиками проведения лингвистической экспертизы на основе логико-грамматического, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа текста, представленными в «Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультантов» [Памятка, 2004], рекомендованными к практическому использованию экспертами ГЛЭДИС и применяемыми в нашем исследовании.

Как показывает опыт нашего многолетнего экспертного анализа видеосюжетов и публикаций в краевых СМИ, ставших предметами информационных споров, дискредитация персонажа создается десятками различных способов, многие из которых подробно описаны в лингвистической литературе [Цена слова, 2002; Баранов, 2007; Кара-Мурза, 2010 и др.].

Пример использования отрицательной оценки

Цель данной статьи – анализ одного необычного приема введения отрицательной оценки персонажа в медиатекст на примере видеосюжета, ставшего предметом судебного разбирательства по статье 152 ГК РФ.

По результатам официально проведенной проверки ситуация заключалась в следующем. Молодой человек, отдыхавший на озере после работы, помог выбраться из воды женщине, запутавшейся в водорослях. Оказалось, что это был полицейский, и одна из очевидиц события обратилась в местное отделение полиции с просьбой объявить данному сотруднику благодарность. Через некоторое время на местном телеканале в программе новостей был показан большой репортаж о плохой работе полиции города N-ска. В нем был фрагмент, сопровождавшийся фотографией этого полицейского крупным планом:

(Голос репортера) «А совсем недавно на всех информационных порталах города появилась информация с подзаголовком "N-ский полицейский спас тонущую женщину". Позднее выяснилось, что ситуация выглядит несколько иначе. Женщина вовсе не тонула. Да и ***инициатива написать в полицию благодарность исходила от самого сотрудника».***

(Неизвестный женский голос за кадром) «Никакого крика не было вообще. Никто не кричал. (...). Просто помог с берега выйти, все».

(Голос репортера) «Об этом нам рассказали свидетели происшествия. Подтвердила эту информацию и сама Т. Н. ***Выходит, сотрудник таким нехитрым способом решил заработать повышение по службе».***

Полицейский обратился с иском о защите чести и достоинства, предъявив претензии к фразам, которые в вышеприведенном фрагменте выделены жирным курсивом. На этом основании было возбуждено дело и по определению суда выполнена лингвистическая экспертиза.

Эксперты руководствовались следующими определениями: негативная информация – «информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали ("неписаного закона") или с правовой точки зрения (по отношению к эксперту-лингвисту – в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация порочит субъект информации,

лицо, к которому она относится. Если информация соответствует действительности, то такая информация позорит субъекта информации, лицо, к которому она относится» [Памятка, 2004, с. 26]; «оценка (фактов, событий, лиц) – выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, в значении которых можно выделить элементы "хороший/плохой" или их конкретные разновидности (добрый, злой и др.). <...> При наличии отрицательной оценки (элемент "плохой" и его конкретные разновидности) может идти речь о негативной информации» [там же, с. 30].

В первом конфликтогенном предложении «Да и инициатива написать в полицию благодарность исходила от самого сотрудника» описываются действия человека, не соответствующие этическим нормам: человек не может быть инициатором благодарности самому себе – благодарить должен другой.

Энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» содержит следующее определение благодарности как этикетной ситуации общения: «в ответ на совершившееся благоприятное действие (оказание услуги и т. д.), которое **предпринял адресат**, выражение признательности, доброжелательности». «Ответной репликой на благодарность является отклонение благодарности из-за малой, с точки зрения говорящего, услуги: *Не стоит (благодарности), Не за что меня благодарить* и т. д.» [Культура русской речи, 2003, с. 98–99].

Многие лингвисты отмечают, что концепт «благодарность» является значимым для русской лингвокультуры. В. И. Карасик в книге «Языковая матрица культуры» следующим образом рассматривает понятийное содержание данного концепта:

«Понятийное содержание рассматриваемого концепта в русском языке можно свести на основании приведенных дефиниций к следующим признакам: 1) чувство удовлетворения, 2) в связи с получением **от кого-либо** добра, 3) признание этого чувства, 4) выражение этого чувства, 5) выражение этого чувства со стороны руководства в официальной ситуации, 6) выражение этого чувства в виде денежного вознаграждения» [Карасик, 2013, с. 102].

«Сочетаемостные характеристики имен концепта "благодарность" в русском и английском языках уточняют содержательный минимум этого концепта (...): 1) детализируется причина благодарности – называется благо, **оказанное субъекту**, 2) дается оценка поступка того человека, который оказывает благо, 3) дается описание способа выражения благодарности (тональность речи, нали-

чие сопровождающих речь действий, модальная вариативность)» [там же, с. 107].

В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает существительному *благодарность* и глаголам *благодарить*, *благодарствовать* следующее толкование:

«**Благода‘рствовать** или **благодари‘ть** кого, на чемъ или за что, дарить словомъ или дѣломъ, или желать кому благъ, добра; изъявлять **благодарность**, признательность; объявлять себя должникомъ за услугу, признавать одолженіе; спасибить кому, говорить спасибо. *Благодаримъ за угощеніе*; отвѣтъ: *не‘ на чомъ, не прогнивайтесь. Не гостямъ хозяина, а хозяину гостей благодарить. На этомъ благодарствуемъ. Я благодарилъ его десятью рублями. За это не благодарится*, безлич. никто не скажетъ спасиба. [‖**Благода‘рствовать**, оказывать добро, благотворить. Отсюда выраженія *благода‘рствуй, благода‘рствуйте*, появившіяся вмѣсто прежнихъ: *благодарствуешь, благода‘рствуете*, и за это тебѣ или вамъ спасибо]. **Благодаре‘ніе** ср. дѣйствіе благодарящаго, изъявленіе спасиба, признательности; **благода‘рность** ж. чувство признательности, желаніе воздать кому за одолженіе, услугу, благодѣяніе; самое исполненіе этого на дѣлѣ. *Взятокъ не беремъ, а благодарности принимаемъ*. **Благодари‘тельный** или **благода‘рственный**, содержащій въ себѣ **благодарность**, сдѣланный для изъявленія, обнаруженія признательности; спасибный. **Благода‘рный**, признательный, чувствующій и изъявляющій **благодарность**; признаю‘щій оказанныя ему услуги, добро».

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой представлено следующее толкование существительного *благодарность*:

«**БЛАГОДА‘РНОСТЬ,** -и, *ж.* **1.** *см.* благодарный. **2.** Чувство признательности **к кому-н.** за оказанное добро, внимание, услугу. *Принять с благодарностью что-н. Принести б. кому-н. Сделать что-н. в знак благодарности* или *в б. за что-н.* **3.** только *мн.* Слова, выражающие эти чувства (разг.). *Рассыпаться в благодарностях.* **4.** Официальное выражение высокой оценки чьего-н. труда, действий. *Объявить б. в приказе. Получить б. от дирекции*».

Все толкования свидетельствуют о том, что в норме субъект и адресат благодарности – это разные лица. Выступать с инициативой написать благодарность самому себе – это аномально. В предложении «Да и инициатива написать в полицию благодарность исходила от **самого** сотрудника» корреспондент с помощью местоимения «самого» подчеркивает аномальность ситуации, ее отклонение от этической нормы.

«САМ 3. Подчеркивает, что речь идет как раз о данном лице или предмете, в знач. именно он, не кто иной, как он» (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

Анализируемое высказывание «Да и инициатива написать в полицию благодарность исходила от самого сотрудника» является утверждением о фактах. В задачу эксперта, соответственно, входил ответ на вопрос, содержит ли это высказывание в форме утверждения негативную информацию о неправильном, неэтичном поведении истца (сотрудника полиции), о нарушении им законов. В случае позитивного ответа лингвиста-эксперта это высказывание должно быть верифицировано в суде. И если судебная проверка покажет, что оно не соответствует действительности, что оно ложное, то у судьи появится основание квалифицировать этот фрагмент как порочащие сведения и сделать правовой вывод, что журналист совершил речевое правонарушение и заслуживает наказания по этой статье.

Во втором конфликтогенном предложении: *«Выходит, сотрудник полиции таким нехитрым способом решил заработать повышение по службе»* – не только отображен логический вывод, но и выражена негативная оценка действий сотрудника полиции (то есть истца). Словосочетание «таким нехитрым способом» довольно часто употребляется в современной прессе и имеет значение «таким простым, но нечестным способом». Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка», в которых говорится о нечестных поступках:

– **Таким нехитрым способом** компартия в прошлом году пополнила за день свой бюджет на 1 миллион евро [Ведьмы, песни и полиция // Труд-7, 2009.04.29].

– **Таким нехитрым способом** мошенники активируют у доверчивых абонентов услугу «мобильный перевод» и переводят все его деньги на свой счет в другом регионе [Гридасов Андрей. Телефонные разводы // Труд-7, 2009.02.05].

– **Таким нехитрым способом** Кисилев успел обмануть десятки людей, проживавших в разных регионах – от Санкт-Петербурга до Владивостока [Наталья Корчмарек. Рекрутинг по-русски // Известия, 2007.06.22].

– **Таким нехитрым способом** английская биржа хочет создать себе имидж белой, пушистой, честной и законопослушной компании, ставящей во главу угла интересы своих игроков [Ответ российских букмекеров. Потому что англичане отлично пропиарились... // Советский спорт, 2006.11.07].

По имеющимся у налоговой полиции данным, за пять месяцев работы **таким нехитрым способом** в «чернуху» было переведено более одного миллиона рублей [ПО УСАМ ТЕКЛО, ДА В КАЗНУ НЕ ПОПАЛО // Труд-7, 2000.06.30].

В то же время следует отметить, что высказывание «Выходит, сотрудник полиции таким нехитрым способом решил заработать повышение по службе», которое резюмирует фрагмент видеосюжета об истце, является заключительным суждением – описанием психологического состояния персонажа; в терминах лингвистической экспертизы это мнение, которое верифицировать нельзя; следовательно, этот контекст выводится из судебного рассмотрения.

Чтобы обрисовать конфликтную ситуацию, которую способен спровоцировать журналист своей публикацией или даже которую он хочет спровоцировать, обратимся еще раз к фрагменту, содержащему конфликтогенные высказывания, позволив незначительные сокращения: *«А совсем недавно на всех информационных порталах города появилась информация с подзаголовком «N-ский полицейский спас тонущую женщину». Позднее выяснилось, что ситуация выглядит несколько иначе. Женщина вовсе не тонула. Да и* ***инициатива написать в полицию благодарность исходила от самого сотрудника.*** *(...) Об этом нам рассказали свидетели происшествия. Подтвердила эту информацию и сама Т. Н.* ***Выходит, сотрудник таким нехитрым способом решил заработать повышение по службе****»*.

Из него явствует, что:

1. Сотрудник полиции не совершал благородного действия, о котором в городе широко распространялась информация.

2. За несовершенное действие сотрудник сам предложил (якобы спасенной женщине – это следует из контекста) написать благодарность в полицию в его адрес.

3. Он сделал это из эгоистических целей – чтобы получить более высокую должность по службе.

Является ли описанное поведение нарушением этических норм? Безусловно, да. А поскольку честь сотрудника полиции – это общественная оценка его профессиональных достоинств, проявляющихся в процессе выполнения им профессионального долга, постольку распространение информации о подобном поведении (если бы таковое имело место), общественное знание о нем способно было бы унизить в глазах аудитории профессиональную честь истца как сотрудника полиции и нанести урон его репутации.

Однако эффекты от распространения любой информации носят вероятностный характер. А их изучение не входит в задачу лингвистов-экспертов; для этого нужны иные типы судебных экспертиз.

Дает ли автор таким способом отрицательную оценку своему персонажу? Тоже – да. Истец – сотрудник полиции, обязанный в силу профессионального долга охранять общественный порядок и оказывать первую помощь гражданам в состоянии, опасном для их жизни и здоровья. А журналист изображает его как человека, который никого не спас, тогда как в городе циркулировала информация о спасении им женщины; получается, что информация ложная, хотя и исходящая не от него, а от городских медиа. Кроме того, журналист противопоставляет его действия этическим нормам честных, порядочных людей, согласно которым нельзя инициировать письменную благодарность для самого себя, тем более фактически ни за что (за не имевшее место спасение женщины). Таким образом, автор видеосюжета, на наш взгляд, создает негативный образ человека, поведение которого противоречит общепринятым правилам; автор дискредитирует его, формулируя в утвердительной форме сведения, которые при ближайшем рассмотрении оказались ложными.

Заключение

Резюмируем: ложная негативная характеристика журналистом поступков персонажа как незаконных и/ или неэтичных способна нанести ему моральный ущерб. Поэтому она подвергается правовой оценке через призму ст. 152 ГК РФ и законодательства о СМИ. Психологический урон для персонажа описывается здесь как унижение чести и достоинства, а дискредитация его в глазах читателей и широкой общественности называется умалением деловой репутации. Спектр стратегий и тактик дискредитации весьма широк. Так, персонаж может характеризоваться через неблаговидные действия, которых в действительности не было. В данном примере показано, что отрицательный образ персонажа создается превратным истолкованием традиционных этикетных речевых жанров, например благодарности. Все сказанное обусловливает необходимость выявления полного спектра «жанровых масок оценочности» в современных медиатекстах и их описания в лингвоправовом аспекте.

Список литературы

Бельчиков Ю. А., *Горбаневский М. В., Жарков И. В.* Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.

Бондаренко Е. Н. Анализ речевой стратегии дискредитации в лингвистической экспертизе (на примере интернет-комментария) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 27–29.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1998.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М., 2013.

Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. 2011. № 2. С. 64–80.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике [Электронный ресурс] // Язык СМИ и политика. Коллективная монография / Под ред. *Г. Я. Солганика*. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 797–855. URL: http://www:/lib.sale/knigi-jurnalistika/yazyik-smi-politika-izdatelstvo-moskovskogo

Кара-Мурза Е. С. Коммуникативные парадигмы «Директивы» и «Эвалюативы» как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии // Юрислингвистика – 10: лингвоконфликтология и юриспруденция. Барнаул, 2010. С. 197–210.

Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. *Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева* и др. М.: Флинта: Наука, 2003.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL:http://www.ruscorpora.ru/

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. *М. В. Горбаневского*. М., 2004.

Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. *Е. Р. Россинской*. М.: Проспект, 2014.

Чернышова Т. В. Медиатекст: введение в заблуждение как прием создания выразительности и как уловка // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллективная монография / Отв. ред. и сост. *Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 145–156.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. *М. В. Горбаневского*. М., 2002.

Поступила в редакцию
14.01.2016